

История Еврейских Общин

19. Центральный Сионистский Архив, Личный архив А.М.Евзерова, Статьи А 458/36
20. О.Помозов, День освобождения Сибири, стр. 173, 236.
21. Сионистская мысль., 1918, № 5-6, стр. 4-6
22. Сионистская мысль., 1918, № 5-6, стр. 30
23. Сионистская мысль., 1918, № 5-6, стр. 32.
24. Например, собрано на свадьбе у т. Лемберга 50 рублей.
- 25 Еврейская жизнь, 1919, № 1, стр. 9.
26. Еврейская жизнь, 1919, № 38, стр. 10

Ярков А.П.

ЕВРЕИ СИБИРИ И КАЗАХСТАНА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Территориальные «границы» изучаемого в данной публикации вопроса очерчивают пространство как, собственно, сибирских (Тобольская, Томская, Иркутская, Енисейская) губерний, так и Акмолинскую, и Семипалатинскую обл. Степного генерал-губернаторства (Степного края), поскольку его столицей являлся г. Омск. К тому же значительная часть этих земель входила в Омский и Иркутский военные округа, где военнообязанными (и мобилизованными в Действующую армию) были многие евреи. В этом, объединенном политически, экономически, культурно, пространстве людские потоки спокойно «перетекали», находя для себя «нишу»: дочь тюменского музыканта Л.В. Купицкая стала медиком в Петропавловске [1], а омич по рождению, отставной солдат З.С. Будинский поселился в станице Надеждинской (ныне г. Иссык) [2].

Не владеем более поздними данными, но по переписи 1897 г. в Сибири около 8% живших здесь 34 тыс. 477 евреев работали в сельском хозяйстве, около 28% – в промышленности и ремесленном производстве, 38% – в торговле, 6% (в иных городах 15-20%) занимались перевозками, 5% являлись слугами или поденщиками, 4,5% служили в армии; 3% – представители свободных профессий, служащие госучреждений и общественных организаций [3]. Примерно схожей ситуация оказалась и в Казахстане (проживали около 5 тыс. чел.), но с тем отличием, что давно жили среднеазиатские евреи - яхуди, в силу знания местных языков весьма успешные в торговле и ремесле. К тому же в Степном крае яхуди

История Еврейских Общин

находились на положении иностранноподданных, имея от того иммунитет против неправых действий местной администрации [4].

Для ашкенази, напротив, более близким становился русский язык, поскольку условия жизни и утилитарные потребности формировали билингвизм, но сохранялся местечковый диалект. В меньшей степени это характерно для детей кантонистов, в силу дисперсности расселения их родителей более русифицированных.

Несмотря на существовавшие правила в поселении (преимущество и финансовую поддержку от государства получали христиане), в 1911 г. один из чиновников замечал: «В губерниях и областях Сибири и Степного Края промышляет громадное число евреев, что тем более поразительно, что права их на жительство в Сибири более ограничены, чем в Европейской России» [5]. Синагоги появились в Семипалатинске, Верном, Петропавловске (в 1910 г. –1,1% населения).

Там существовали специфические институты: кагал и похоронное братство, система налогообложения, традиции воспитания и образования, пищевые запреты и праздники. Но и в отдаленных местностях еврейская жизнь существовала, например, а отдаленном Джаркенте – на уровне микросреды, особенно в части соблюдения религиозных установок. Меньше всего их придерживались живущие в городах из тех, кто разделял либеральные ценности, стремился к обновлению, идеи которого провозгласили лидеры движения «Хаскала».

Власти Российской империи в то время пытались регулировать «еврейский вопрос» повсеместно, противясь получению высшего образования евреями (тем самым получавшим право свободного перемещения за «черту оседлости»). Так, Министерство народного образования потребовало от руководства вузов «навести порядок» – из-заувеличения численности студентов-евреев. В 1914 г. в Томске в университете и технологическом институте их принимали по жребию, но исходя из квоты в 5%.

Эта часть евреев была открыта новациям, активно включаясь в миграционные процессы (в 1881–1914 гг. в него включились 2,4 млн евреев мира). Понятно, что культура еврейских новоселов из западных российских губерний была основана на несколько иных ценностях, чем культура их сибирских соплеменников.

Как считают ученые, уже к началу XX в. «сформировался особый культурно-психологический тип сибирских евреев. Они переняли нравы и обычаи русского населения Сибири, почти не отличались от него в

История Еврейских Общин

одежде, архитектуре и убранстве жилищ, говорили на местных диалектах русского языка (лишь немногие хорошо знали идиш или иврит), зачастую не выполняли мицвот (в т.ч. законы кашрута), не соблюдали субботу и праздники.

Тем не менее, евреи Сибири сохраняли национальное самосознание и тягу к культуре своего народа, редки были случаи перехода в христианство или вступления в браки смешанные. Евреи Сибири радушно принимали странствующих маггидов, охотно жертвовали деньги на строительство синагог и на благотворительные учреждения (особенно для Эрец-Исраэль). Гордясь своим происхождением, евреи Сибири обладали к тому же присущим большинству сибиряков чувством собственного достоинства и, как правило, энергично противостояли любым проявлениям антисемитизма» [6].

Последнее суждение спорно, хотя П.В. Вологодский и писал после томского погрома 1905 г., что «...еврейский вопрос никогда не имел в Сибири такого острого значения, какое он имеет в Европейской России» [7].

Несмотря на существовавшие ограничения, самые крупные общины (данные 1913 г.) сформировались в Омске (3 тыс. 692 еврея), Томске (3 тыс. 497), Боготоле (1 тыс. 608), Новониколаевске (1 тыс. 177), Тобольске (971) [8]. В каждом из этих городов обстоятельства жизни евреев имели как общий (для страны), так и частный характеры. Этот парадокс отражает две стороны изучаемого вопроса, когда ситуации личная и социально-политическая пересекаются в судьбах конкретных людей. Так, 1 августа 1914 г. для каинского мещанина И. Бельского важнее оказался вопрос о недопуске его сына Аарона (за счет «еврейского лимита») в казенную гимназию [9], нежели начавшаяся война, «перевернувшая мир».

Степень включения приезжих в жизнь местных общин была различна. К тому же выкрестов становилось больше именно вдали от мест компактного проживания евреев. Маргиналы из уголовников, отбывавшие наказание в Сибири и Казахстане, оказывались на их фоне более приближенными к еврейству и иудаизму, поскольку посещали (с разрешения полиции и жандармерии) синагоги или моленные комнаты, как, например, в Тобольской каторжной тюрьме №2. Не отказывались они и от гуманитарной помощи соплеменников.

«Неизвестной» война 1914–1918 гг. была только для советской историографии, считавшей, что все граждане СССР «родом из Октября 1917 г.». Соответственно, евреи Сибири и Казахстана оставались ее почти неизвестными героями и жертвами. В Ялуторовском (резервном)

История Еврейских Общин

хранилище Российского архива древних актов хранится более семи млн учетных карточек боевых потерь Первой мировой войны, которые будут оцифрованы и выложены в общий доступ к 2018 г. Это поможет выявить и судьбу тех евреев, что призваны в Действующую армию, развеивая миф, что «евреи отсиживались в тылу», а если и призывались на фронт, то оказывались рядовыми участниками глобальных явлений и не проявили себя в подвигах.

Между тем, иркутский адвокат Г.Б. Патушинский, как прапорщик ополчения, добился «высочайшего» разрешения на перевод в отправляющийся на фронт сибирский стрелковый полк, «чтобы вырвать свободу еврейскому народу». Он позже даже был отмечен многими наградами, в т.ч. ордена св. Владимира IV-й степени [10]. Менее благополучно сложилась судьба призванного из Томска П.И. Закшевера, который недолго повоевал, а затем оказался в германском плену. Освобожденный в 1918 г. французами, он долго не мог вернуться на родину из-за начавшейся на родине Гражданской войны [11].

По мнению А.А. Машкевича «...еврейская диаспора в Казахстане была в большей степени «экстравертна», открыта, чем еврейское население «черты оседлости» [12]. Очевидно, что эта оценка не может характеризовать всю совокупность евреев Казахстана, в которую включены «традиционалисты» и «обновленцы», но тенденции к инновационной модели жизни просматривались. Это движение захватило и женщин – первой фельдшерлицей в Петропавловске в 1914 г. стала М.А. Хаймович [13].

Заметим, что была еще одна группа евреев: интернированные – подданные Германии, Австро-Венгрии, а их перемещение в Азиатскую часть империи связано с циркуляром Главного штаба от 25 июля 1914 г., т.е. накануне войны. Под его действие подпали все лица призывного возраста, а также заподозренные в шпионаже, не взирая на конфессиональную и этническую принадлежность, социальный статус, пол, возраст, длительность пребывания в Российской империи, укорененность в экономической и культурной структуре мест проживания. Для государственной власти важнее было достичь цели – «предотвращения массового выезда за границу и вступления в ряды враждебных армий».

Для большинства подданных Российской империи из числа евреев Сибири и Казахстана коллаборационизм был чужд, а первоначально, как и многие в стране, они публично выражали верноподданнические чувства.

История Еврейских Общин

Так, 15 августа 1914 г. в томской синагоге «в присутствии нижних чинов иудейского вероисповедания, вступающих в действующую армию, состоялось торжественное богослужение, после которого прошла еврейская манифестация с портретами Государя Императора и национальными флагами. Возле здания городской думы манифестанты исполнили государственный гимн» [14]. Да и многие ссыльные из «Всеобщего еврейского рабочего союзав Литве, Польше и России» (Бунд) поддержали решение своих лидеров – защищать Отечество.

Сложное положение оказалось у таких, как Е.Г. Пестун - в 1910–1911 гг. одного из руководителей красноярской организации РСДРП (в 1912 г. приговорен к 12 годам каторжных работ на Акатуе и в Александровском центре) и, одновременно, активиста Бунда [15]. Дело в том, что иной позиции – пораженческой, придерживались члены РСДРП /б/, что оказались в сибирской ссылке или на каторге. В разные годы ими были: М.Р. Бейлин, В.М. Броннер, Л.Б. Каменев, Л.Д. Троцкий и др. Но круг их сторонников среди местных жителей оказался невелик, иногда из-за унижительного отношения к «аборигенам».

Впрочем, ситуации случались разные: сосланный на поселение революционер И. Цугель стал в с. Кукуй Иркутской обл. крестьянином, но шестерым детям дал не только образование, но и политические установки – его дочь вошла в 1916 г. в кружок «Юные социал-демократы», где познакомилась с якутом М.К. Амосовым – позднее одним из партийных руководителей Казахстана и Киргизии [16].

Активность в пропаганде пораженческих настроений проявил присяжный поверенный В.Я. Гуревич, высланный в Енисейскую губ. в 1914 г. Он был арестован 5 апреля 1916 г. за агитацию «среди трехтысячной массы рабочих Красноярских железнодорожных мастерских... с целью воспрепятствовать выполнению заказов на государственную оборону» [17].

После отмены «черты оседлости» в августе 1915 г. изменилось как внешнее отношение к евреям, так и ускорились многие внутриdiasпоральные процессы. С одной стороны, увеличилось переселение (в т.ч. вынужденное) евреев в Сибирь и Казахстан, а местным губернаторам под страхом наказания запретили их выселять. С другой стороны, евреи стали полноценными участниками региональной социальной жизни. Только число петропавловских медиков пополнили в то время М.С. Бамдас, М.М. Левина, С.Р. Эпштейн и др., существенно обогнав в численности соплеменников – предпринимателей [18].

История Еврейских Общин

В Сибирь к октябрю 1915 г. прибыли 105 тыс. беженцев из прифронтовых регионов, которых переправляли из других мест. Так, в феврале 1916 г. в Тюмень прибыли 150 евреев-беженцев из Пензы. В донесениях чинов полиции отмечалось, что «расширение черты еврейской оседлости не отразилось на местной жизни и прибывших евреев незаметно. Они, наоборот, стремятся из Сибири в Россию и сибирские города на линии железных дорог, где идут крупные и успешные торговые обороты» [19].

Психологическое давление (дискомфорт) от шока переезда усугублялось, когда эти люди сталкивались с особенностями климата, патриархальных норм и чуждых правил поведения. Не меньше настораживалось принимающее сообщество, видя в приезжих источник ухудшения своего положения. Внешние антропологические отличия, поведение и прежние стереотипы усугубляли ситуацию: «С ростом цен и ухудшающимися условиями жизни было связано и обострение «еврейского вопроса». По слухам, именно евреи были виноваты в намеренном повышении цен с целью наживы, а «будирующий» элемент возбуждал недовольное население к повсеместному еврейскому погрому. Евреев обвиняли в том, что, пользуясь поддельными удостоверениями, они производят закупку хлеба и лошадей в любом районе империи, чем способствуют повышению цен и затрудняют деятельность правительственных чинов» [20].

Заостренные внешними обстоятельствами и внутрирегиональными проблемами, антисемитские настроения в Красноярске и Новониколаевске привели к погромам. Впрочем, 7 мая 1916 г., в Красноярске разгромили не только 40 «еврейских», но и 11 «русских» лавок. Человеческих жертв удалось избежать, но были раненые и избитые, в т.ч. начальник железнодорожного жандармского отделения ротмистр Игнатов, который мужественно защищал евреев. В оправдание енисейский губернатор Я.Г. Гололобов указал назначительное число высланных евреев «за шпионство, мошеннические поставки для армии и проч., когда всем стало известно, что в числе спекулянтов, поднимающих цены на предметы потребления, главную роль играют евреи с их банками, то среди населения, даже безразлично относившегося к евреям, стала возникать и все более возрастать враждебность к ним» [21].

Известно из более поздних исследований, что все перемещаемые лица в новом месте «изобретают» новые идентичности, которые должны помочь (и помогали) преодолеть травму перемещения из привычной

История Еврейских Общин

политической, географической, языковой среды. Немалую роль в этом процессе отводилось политическим, этническим и конфессиональным институтам, тем более в условиях определенных «послаблений». Так, осенью 1915 г. возникла «Иркутская бундовская группа» из 20 чел., поддерживавшая связи с однопартийцами, которых к сентябрю 1917 г. в Сибири и на Дальнем Востоке насчитывалось 13 групп с численностью от десятка до ста чел. [22]. В Томске возникло Еврейское студенческое общество [23]. Оно столкнулось с тем, что в 1916 г. объявлено, что из-за превышения процентной нормы набора 209 студентов-евреев на 1916/1917 учебный год не будет. Напротив, замыкались в этнической среде, но активизировались подпольные кружки Поалей-Циона, Сионистской социальной рабочей партии, отделений Еврейского комитета помощи жертвам войны и культурно-просветительских организаций.

Особое место в жизни общин играли предприниматели, поскольку на их помощь рассчитывали нуждающиеся материально и в духовном плане. Получивший 10 октября 1915 г. военный заказ владеец жестяной мастерской иркутянин Хейфец воскликнул «Дай Бог успеха нашему делу! От гранат, если позволят обстоятельства, перейдем к другим заказам» [24].

Летом 1916 г. вспыхнуло восстание коренных жителей Средней Азии и Казахстана, связанное с Повелением «О привлечении мужского инородческого населения для работ по благоустройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а также для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ». Жестокость отличала всех участников восстания, а ее жертвы, в т.ч. среди евреев -многочисленны. Жертвами оказались и яхуди, которых из Казахстана направляли на предприятия Иркутска, Томска, Бийска, или отправляли на тыловые работы Западного фронта.

Заслуживает отдельного анализа «еврейская составная» военнопленных. На январь 1917 г. на территории Омского военного округа находилось 199 тыс. 077 военнопленных Австро-Венгерской, Германской и Турецкой армий, но различаемы местными жителями на «славян» и «немцев». Н.И. Загороднюк отметила, применительно к Тобольской губ.: «В своих письмах первые чаще всего отмечали доброжелательное отношение как военных, так и мирного населения: «Пользуемся свободой: посещаем театры, кинематографы, кофейни, рестораны и дома терпимости... Офицеры днем проводят время за шахматами, картами, музыкой, пением, а то просто попивая чай. Военнопленные, раньше капризничавшие за чайным столом, теперь

История Еврейских Общин

забывали о кофе и решают обязательно увезти с собой из России самовары... Солдаты коротают время за изучением ремесел: резного, картонажного, волосяного и проч., а долгие зимние вечера скрашивают хорovým пением и игрой на самодельных музыкальных инструментах... Как офицерам, так и солдатам предоставлена возможность частных заработков. Офицеры дают уроки иностранных языков и музыки, врач имеет широкую практику, нижние чины продают свои кустарные изделия из кости (кольца, шахматы, птицы), некоторые служат в конторах, на фабриках, в мастерских... Еще лучше отзывы идут от низших чинов из деревень. Совсем другое отношение было к немцам, отчасти к евреям» [25]. Поскольку к 1916 г. многие группы военнопленных стали вообще бесконвойными, то это облегчало контакты с единовѣрцами из сибиряков – по субботам все приходили в синагоги. Находясь в городе, пленный все же должен был иметь нарукавную повязку с литерами «В.П.».

Встречались на улицах пленные со своими врагами – по полю битвы. Дело в том, что в Сибири и Казахстане на излечении находились многие раненные, частью демобилизованные «по болезни или ранению» или направленные в запасные полки для обучения новобранцев.

В 1915 г. было разрешено принимать в учебные заведения участников и детей фронтовиков, независимо от происхождения, что отразилось как на уровне общего образования, так и специального. Например, из-за огромной потери офицерского состава в военные учебные заведения и на краткосрочные курсы стали принимать и евреев, «не считаясь с существующими иными ограничениями».

Кроме того, с 7 февраля 1916 г. стали призывать в армию и состоящих под судом или следствием, и даже отбывавших наказание. В 18-м Сибирском стрелковом запасном полку, например, служил старший унтер-офицер Бланкштейн. Между тем, в месте его прежней ссылки – в Нарыме в сентябре 1916 г. эсдеки и эсеры создали «Военно-социалистический союз» для координации усилий по проведению революционной агитации. Вошел в союз и представитель томской организации РСДРП И.Л. Наханович. Во втором составе этого союза были: А.В. Шотман, В.Д. Вегман, А.И. Рыков, Б.И. Гольдберг, а в Новониколаевской группе состоял А.Ф. Клеппер.

По целому ряду причин часть евреев Сибири и Казахстана приветствовала свержение монархии, поскольку появилась надежда на гражданское равенство. Уже в феврале 1917 г. было объявлено о выпуске в Томске «Вестника сибирских евреев», а сами они оказались одной из

История Еврейских Общин

социально активных групп населения. Член тобольской городской Думы А.И. Рендель организовал «Союз евреев», озаботившийся открытием светской еврейской школы [26].

Зажиточные евреи отрицательно отнеслись к Октябрьской революции. Между тем как члены радикальных социалистических партий активно участвовали в установлении советской власти в районах Сибири и Казахстана. В губернских и областных организациях большевиков даже возникли еврейские партячейки.

Гражданская война еще больше разнесла на разные стороны «баррикад» евреев, а после падения советской власти в Сибири (летом 1918 г.) широкий размах приобрело движение за национально-культурную автономию еврейских общин. Но уже в стороне от процесса находился вышеупомянутый Г.Б. Патушинский, ставший министром юстиции Российского (по сути лишь Сибирского) правительства. В принципе, он мог оспорить распоряжение начальника тобольского гарнизона, запретившего въезд в город «лицам еврейского вероисповедания» как политически «неблагонадежными» [27], но не стал этого делать.

А между тем Первая мировая война еще продолжалась... В досрочно демобилизованный М.Ф. Хацкелевич успел вернуться домой – в Тюмень, где даже сшил костюм для ... В.И. Ленина, поскольку в 1941 г. в сибирский город эвакуировали саркофаг из московского мавзолея.

1. Виткин М.П. Евреи Северо-Казахстанской области (фрагменты из истории). Петропавловск, 2012. - с. 49.
2. Гринберг И.Э. Евреи в Алма-Ате. Краткий исторический очерк. Алматы, 2009. – с. 17.
3. <http://www.eleven.co.il/article/13784>.
4. Волкова Т.П. Бухарские евреи в дореволюционном Казахстане // История. Память. Люди: материалы VII междунар. конф. Алматы. 2015. – с. 283.
5. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 35. Д. 597. Л. 16.
6. <http://www.eleven.co.il/article/13784>
7. Дело о погроме в Томске в 1905 г. (Отчет о судебном заседании Томского окружного суда). Томск, 1909. - с. 89, 93-94.
8. Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1. Новосибирск, 2009. - с. 516.
9. Сулимов В.С. Прием евреев в школы Западной Сибири в период Первой мировой войны // Евреи в социокультурном пространстве Тюмени и региона: к 100-летию городской синагоги: материалы науч.-практ. конф. Тюмень, 2013. - с. 65.
10. Звягин С. П. Министр юстиции Г.Б. Патушинский. Красноярск, 2001.- с. 13.

История Еврейских Общин

11. Гринберг И.Э. Евреи в Алма-Ате. Краткий исторический очерк. Алматы, 2009. – с. 71.
12. Машкевич А.А. Евреи и мир. Штрихи к портрету еврейской цивилизации. Т.1. Алматы, 2006. – с. 52.
13. Виткин М.П. Евреи Северо-Казахстанской области (фрагменты из истории). Петропавловск, 2012. – с. 44.
14. Кутилова Л.А., Нам И.В., Наумова Н.И., Сафонов В.А. Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни. 1885–1919. Томск, 1999. – с. 69.
15. Курусканова Н.П. Бундовцы в Сибири в начале XX века // Вестник Полоцкого госуниверситета. Серия А. №9. 2013. – с. 100.
16. Маликова С.З. Жена руководителя: о Раисе Израилевне Цугель // История. Память. Люди: материалы материалы V междунар. конф. Алматы. 2011. – с. 175-176.
17. Медведева Н.Н. Неонародники в общественно-политической жизни Восточной Сибири (1905–1917 гг.). Абакан, 2006. – с. 63–64.
18. Виткин М.П. Евреи Северо-Казахстанской области (фрагменты из истории). Петропавловск, 2012. – с. 45.
19. Ключева В.П. Евреи в Западной Сибири: политика государства и проблемы адаптации в сибирском обществе (XVII – нач. XX в.) // «Приезд и водворение в Сибири воспрещается...» Из истории еврейской общины в Тюмени. Тюмень, 2004. – с. 23.
20. Шишкина С.Ю. Линии конфликтов в имперской России в условиях социальных конфликтов (подходы и практики в современных региональных исследованиях). Омск, 2009. – с. 178. 208.
21. Бердников Л.П., Лонина С.Л. Два века красноярского самоуправления. История и современность (1822–1917). Красноярск, 2003. – с. 236, 237.
22. Нам И.В. Объединенные организации и Бунд в Сибири в 1917 г. // Из истории социальной и общественно-политической жизни Советской Сибири. Томск, 1992. – с. 42.
23. Ищенко О.В. Студенческая и учащая молодежь как фактор общественного движения и культурной жизни Сибири (конец XIX–начало XX вв.). Омск, 2010. – с. 457.
24. Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 гг. и Сибирь. Новосибирск, 2015. – с. 104.
25. Загороднюк Н.И. Депортация населения в годы Первой мировой войны // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1996. Тюмень, 1998. – с. 94-95.
26. Солодова Т.И. Активизация еврейского населения в послереволюционные годы в Тобольске (по материалам местных газет) // Евреи в социокультурном пространстве Тюмени и региона: к 100-летию городской синагоги: материалы науч.-практ. конф. Тюмень, 2013. – с. 81.
27. Там же. – с. 83.